

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.12

DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-3-262-267

ГРАЖДАНСТВО КАК ФОРМА УСТОЙЧИВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ¹

РУДИ Амина Шамильевна*

✉ amina_rudi@mail.ru

Пр. К. Маркса, 35, Омск, 644046, Россия

***Аннотация.** В статье представлен опыт философской рефлексии над понятием гражданства. Гражданство рассматривается как тип культурной идентичности, связанной с принадлежностью и лояльностью индивида государству. Гражданственная идентификация предполагает определенную политическую и правовую культуру человека. Подчеркивается, что разным типам социальных объединений соответствуют разные принципы обеспечения их устойчивости. Гражданское общество основывается на разнообразии форм социальных объединений и правовой защите их деятельности со стороны государства. Противопоставление институтов гражданского общества и государства возможно лишь в специфических культурно-исторических условиях ряда стран западной цивилизации. Поддержка российской властью высокого уровня гражданской идентичности посредством государственной защиты интересов населения обеспечит в перспективе устойчивую основу властной легитимности. Высокий уровень гражданского самосознания позволяет констатировать значительную сплоченность людей в форме государства, крепкие культурные основания государственности.*

***Ключевые слова:** гражданство, социокультурная идентификация, устойчивость, право.*

Citizenship as a Form of Sustainable Social and Cultural Identification

Rudi Amina Sh.**

✉ amina_rudi@mail.ru

35 K. Marksa pr., Omsk, 644046, Russia

***Abstract.** The article presents the experience of philosophical reflection on the concept of citizenship. Citizenship is considered as a type of cultural identity associated with the belonging and loyalty of an individual to the state. Civil identification presupposes a certain political and legal culture of a person. It is emphasized that different types of social associations correspond to different principles of their sustainability. Civil society is based on a variety of forms of social associations and legal protection of their activities by the state. The opposition of civil society institutions to the state is possible only in the specific cultural and historical conditions of a number of countries of Western civilization. The Russian authorities support for a high level of civil identity*

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-33-01033-ОГН ОГН-МОЛ-А2 «Конструирование устойчивой модели социальной реальности».

* Профессор кафедры истории, философии, культурологии Омского государственного университета путей сообщения, доктор философских наук, доцент.

** Professor of the Department of History, Philosophy and Culture at Omsk State Transport University, Doctor in Philosophical Sciences, Docent.

through state protection of the population's interests will provide a stable basis for the long-term legitimacy of power. The high level of civic consciousness allows us to state a significant cohesion of people in the form of the state, strong cultural foundations of statehood.

Keywords: *citizenship, social and cultural identification, sustainability, law.*

Понятие гражданства имеет значительный эвристический потенциал в широком спектре исследовательских проблем, в частности проблем социокультурной идентичности, социальной лояльности, солидарности, государственной безопасности. Предельный характер категории обуславливает необходимость ее философской рефлексии, способной сформировать методологический фундамент частных научных, прежде всего правовых и политологических, исследований. В связи с этой необходимостью, например, в Институте философии Российской академии наук действует сейчас Центр изучения проблем гражданства и идентичности.

Культурная идентичность, то есть принадлежность к определенному пространству материальных и духовных ценностей, представляет собой сложное образование в обществе нашего века. Современный человек может быть отнесен ко множеству социальных групп, выделяемых на основании классических параметров (уровня дохода, уровня и качества образования, рода занятий, престижа профессиональной деятельности, объема располагаемой властью демографических признаков) и таких более динамичных показателей, как, например, интересы, увлечения, условия жизни.

Надежной скрепой любой социальной группы является социальная солидарность. Эта категория социально-философского и философско-правового характера позволяет выявлять безусловную предрасположенность, лояльность людей определенного сообщества друг к другу, готовность к содействию на основании взаимного позитивного восприятия. Солидарность интересна как феномен иррациональной природы, не связанный с понятием пользы, выгоды, страха перед наказанием. Фактически очевидна прямая закономерная связь между количеством социальных ролей индивида и его адаптируемостью к социальным изменениям, потенциалом социокультурной устойчивости.

Семейно-родственные, профессиональные, национальные и иные сообщества, культурные основы которых формируют устойчивые ха-

рактеристики индивида, обладают специфическими принципами существования. Поэтому абстрактное понятие социальной устойчивости предполагает разные формы, модусы, принципы сохранения, свойственные конкретным типам социальных объединений. Так, Ф. Тённис отмечал, что дружба как тип общности предполагает сочетание двух оснований: узко очерченный круг лиц и длительный позитивный эмоциональный эффект взаимодействия [8]. Семейное или национально-этническое объединение имеет настолько глубинные корни в общественном и индивидуальном сознании, что идентификация человека посредством своей принадлежности к роду или диаспоре (как и сохранение родственных и этнических связей) не нуждается в эмоционально-благозном подкреплении, выдерживает существенное расширение численности общности. Специфическим типом социокультурной устойчивости обладает и гражданское сообщество.

Понятие «гражданин», с одной стороны, подчеркивает связь индивида с государством, конкретизируя объем гарантированных государством прав и обязанностей человека в данном срезе социальных отношений в масштабе страны. Осознавая себя гражданином, человек позиционирует себя как органичная часть государственной общности, носитель политической и правовой культуры конкретного вида. Высокий уровень гражданского самосознания оправданно позволяет судить о значительной сплоченности людей в форме государства, крепких культурных основаниях государственности. С другой стороны, общество граждан как совокупность институтов, объединяющих носителей различных частных интересов, традиционно понимается как противовес государству (системе всеобщего интереса), как социальный инструмент контроля государственной власти и сдерживания этатистских тенденций. Эта классическая либеральная модель гражданского общества обязана своим возникновением прежде всего Г. Гегелю. Гражданин в теории великого немецкого мыслителя – это единица, нацеленная на себя и обесценивающая других [4].

Постклассическая теория гражданского общества смягчает момент противопоставления личности и социума, личности и государства, подчеркивает разнообразие общих интересов, выражаемых институтами гражданского общества, но, как правило, сохраняет признание за этими типами общественных объединений функции контроля государственной власти [7]. Исключением служат лишь исследования опыта скандинавских стран и США, где обнаруживается участие государства в формировании гражданских институтов². Гражданская солидарность предполагает нивелирование множества различий, включая даже разницу языковых картин мира, территориальных и природно-географических координат жизнедеятельности.

Таким образом, модус устойчивости гражданского общества (по сравнению с дружескими союзами, семьей, нацией, профессиональным объединением) предполагает более сложные организационные принципы, приемлемость иного, сохранение самоидентичности при значительных изменениях внутренних и внешних условий. Более того, отечественная общественно-историческая практика обнаруживает пример сохранения гражданской самоидентификации даже при распаде государства. Вариант самоопределения индивида как советского человека, встречающийся спустя 27 лет после прекращения существования СССР, означает сохранение человеком преданности советскому историческому и культурно-правовому наследию. Это обстоятельство позволяет предположить (при допущении вторичности института гражданства по отношению к институту государства), что устойчивость Советского государства, несмотря на показанную историей его слабость, не была к 1991 г. целиком исчерпана.

Ход истории не оправдал сомнений по поводу существовавшей сильной взаимосвязи элементов данной гиперсистемы, обеспечивающей их функционирование. Практическим доказательством этого факта стала катастрофическая социальная и экономическая дезориентация бывших советских республик в первые годы их бытности в статусе суверенных государств. Надо отметить, что в большинстве бывших союзных республик последствия этой дезориентации не преодолены до сих пор. Разорванные экономические связи между сырьевыми и промышленными региона-

ми, утрата налаженного порядка коммуникаций и рынков сбыта утяжелили социально-демографический кризис, когда семьи оказались по разные стороны государственных границ, а люди различных наций, рожденные и проживающие в «неаутентичной» республике, в одночасье оказались на «чужой» земле. Предшествовавшее крушению государства обострение национального вопроса произошло на фоне иных насущных проблем (прежде всего состояния нужды в условиях дефицита товаров, идеологических перекосов – попыток сохранить социалистическое «лицо» при уже скомпрометировавшем себя режиме). Этнические и национальные конфликты по своей сути – это «спящий дракон» в коллективном бессознательном, просыпающийся по причине глубоких противоречий различного рода, обостряющий их и практически не поддающийся рационализации.

Отдельного внимания заслуживает идеологический потенциал советской государственной системы. Сегодняшняя международная обстановка не позволяет забыть как минимум настороженность, как максимум враждебность внешней среды, в которой СССР существовал. Капиталистический мир по понятным причинам отказывался признавать наличие у стран социалистического лагеря действительных качеств высокоцивилизованного общества, в том числе объективацию в советской правовой реальности внушительного ряда гуманистических ценностей. Осознание достигнутой в опыте советской государственности степени защищенности человека возникло лишь в постсоветском пространстве в связи с утратой социальных гарантий прав человека (на труд, отдых, медицинское обслуживание, образование и т. д.) в обмен на относительную свободу приобретения товаров, ошибочно принятую за свободу личности.

В социально-правовом, историческом и политологическом научных дискурсах известна хорошо аргументированная позиция, согласно которой прочность СССР была ликвидирована в силу не экономических факторов, а деморализации общественного сознания: подрыва уважения к национальным культурам, падения авторитета публичной власти, роста недоверия людей к государственному аппарату и невнимания государственных структур к судьбам людей. Трагическая судьба ожидала отечественный патриотизм:

² Государственная служба за рубежом. Гражданское общество и право : реф. бюл. 2003. № 1 (47). С. 156–157.

казалось бы, никогда ранее (несмотря на природную самокритичность русского человека) не случилось такого кризиса народного самосознания и неприятия России, даже в самые тяжелые исторические периоды (серия бесславных войн с Речью Посполитой, безуспешная война с Японией начала XX в., подорвавшая государственную целостность, Первая мировая война, братоубийственная Гражданская война 1917–1923 гг. не ставили под знак вопроса любовь народа и его преданность стране). Резонно заключить, присоединяясь к указанной точке зрения, что «именно с идеологических трансформаций начинается разрушение стабильности» [5].

Необходимо отметить динамичный характер феномена государственной устойчивости и связанной с ним гражданской идентичности. Устойчивая система – это образование, естественно изменяющееся в соответствии со своей внутренней природой и внешними условиями своего существования. Чем больший формат изменений допускает структура социального объекта, чем гибче нормы взаимодействия социальных субъектов, тем большей устойчивостью обладает данная общность. Пожалуй, скорость и направление изменений Советским государством не были выдержаны прежде всего в силу больших размеров страны, громоздкости бюрократического аппарата, неразработанности государственной программы амортизационных мер, компенсирующих тяжесть перемен для населения.

Существенный фактор внутренней устойчивости отечественной гражданской системы – это исторически сформировавшаяся ментальность народа, в которой ярко выражены черты национального характера, укрепляющие общественное единство: толерантность, терпимость, полагание на волю власти. Это доверие оправдано необходимостью стабилизации жизни страны во времена мобилизации всех сил и ресурсов, в условиях большой территории, сурового климата, полиэтничности населения.

Механизм таких отношений народа и власти, строго говоря, не уникален: он имеет восточное происхождение и зачастую коррелируется исследователями с узнаваемыми изъянами сооб-

щества: коррумпированностью и бесконтрольностью власти, неразвитостью общественного самосознания при высоком уровне гражданской идентичности – осмыслении себя не как космополита, а как человека своего Отечества, реализующего гражданскую активность в ежедневном настойчивом труде. Такой гражданин не готов контролировать власть, он вручает ей бразды правления, полагаясь на общность интересов прежде всего в укреплении государства. Собственно, власть (при условии сохранения ее представителями своей гражданской идентичности) и должна быть заинтересована в целенаправленном, целесообразном использовании ресурсов и, следовательно, в борьбе с коррупцией, в оправдании гражданского доверия как источника властной легитимности. Именно усиление общности, в рамках прозападных теорий ошибочно характеризуемой как признак отсталости российского народа, необходимо в целях укрепления солидарности, устойчивого социального порядка и государственной безопасности. Отсюда вытекает разработка правовых механизмов складывания и функционирования гражданского общества, например, в рамках муниципального права [3], обеспечения свободы общественных объединений³, равенства политических партий перед законом⁴, поддержки предпринимательских инициатив населения⁵, независимости СМИ⁶, конституционного статуса семьи [1].

Укрепление социальной структуры связывается с обеспечением единства и консолидации российского общества организационными и идеологическими методами [6]. Поддержание незыблемости границ общественной жизнедеятельности для стабилизации коллективной системы, укрепление общественного сознания, нормализация социально-экономической ситуации в стране предполагают поддержку в определенной мере и процессов либерализации, привносящих элементы самоорганизации в существование системы, вызывающих осмысление, пересмотр и переоценку сил.

Гражданство как чувство причастности государству и гражданское общество как

³ *Об общественных объединениях* : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *О политических партиях* : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации* : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ *О средствах массовой информации* : закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

самоуправляемая система социальных отношений обуславливаются в своих конкретных характеристиках непосредственными культурно-историческими условиями. Западная традиция понимания рассматриваемых феноменов справедлива для стран Запада со всеми особенностями становления их цивилизации, не обладая для всего мира универсальным характером. Применительно к российской государственности оторванность, независимость или противопоставленность гражданского общества государственной системе все чаще представляются надуманными. При том количестве проблем, которые возникали перед российским обществом в силу природных и исторических обстоятельств, так называемых вызовов (в терминологии А. Тойнби [9]), ответом могла служить лишь гражданская сплоченность людей вокруг государства, единственно способного к координации значительных ресурсов для выживания народа в масштабах страны.

Если предполагать некоторую разницу между готовностью активного участия в жизни общества без организационного содействия государства и самоидентификацией себя как носителя определенной государственной культуры, то иначе может раскрыться существующая в российском правовом дискурсе проблема низкого уров-

ня гражданского самосознания. Как правило, этот феномен объясняют недоверием к властям и политическим процессам, связывая, например, с абсентеизмом. Следует при этом отметить, что абсентеизм в зависимости от социокультурной ситуации может свидетельствовать о сосредоточенности людей на частных проблемах и доверии налаженной государственной системе.

Рассматривая сложность фактического противопоставления гражданского общества и государства в современной России, можно осуществить теоретическое снятие данного противопоставления через восприятие гражданства как феномена одновременно и негосударственных общественных организаций, социальных групп (вне которых жизнь индивида невысказима), и государства. Именно так описывал человека – политическое животное Аристотель, подчеркивая, что природа человека заключается в его коллективности, способности взаимодействовать с другими людьми на всех уровнях – от семьи до государства [2]. Отсюда, кстати, и прямые аналогии Стагирита между организационными принципами существования государства и семьи. Таким образом, гражданство как форма социокультурной идентификации служит связующим звеном между разнообразными общественными институтами.

Список литературы

1. Агеева А. В., Банщикова С. Л. Семья как конституционная ценность в Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15, № 1. С. 29–34.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
3. Быкова А. Г. Сход граждан как институт муниципального права // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 3. С. 12–17.
4. Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
5. Горяинов В. П. Угрозы глобальной и российской социальной устойчивости: систематизация и параметры // Лаборатория социальных проблем системных исследований ИСА РАН : сайт. URL: http://lab1-3.narod.ru/gor/2004_gor.htm
6. Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и кризисы в России. Гуманитарные аспекты поддержки принятия и реализации решений // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. 2009. № 23. С. 1–40.
7. Маркелов К. В. Между гражданским обществом и государством: информационная политика на перепутье // Социология власти. 2004. № 5. С. 55–68.
8. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.
9. Тойнби А. Дж., Хантингтон С. Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М. : Алгоритм, 2016. 288 с.

References

1. Ageeva A. V., Banshchikova S. L. Sem'ya kak konstitutsionnaya tsennost' v Rossiiskoi Federatsii [The Family as a Constitutional Value in the Russian Federation]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 29–34. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-29-34.
2. Aristotel'. Politika [Policy]. *Sochineniya. T. 4 – Compositions. Vol. 4*. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 375–644.
3. Bykova A. G. Skhod grazhdan kak institut munitsipal'nogo prava [The Citizens' Assembly as an Institute of Municipal Law]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 12–17. DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-3-12-17.
4. Gegel' G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.
5. Goryainov V. P. *Ugrozy global'noi i rossiiskoi sotsial'noi ustoichivosti: sistematzatsiya i parametry* [Threats to Global and Russian Social Sustainability: Systematization and Parameters]. Available at: http://lab1-3.narod.ru/gor/2004_gor.htm

6. Malkov S. U. Sotsial'naya samoorganizatsiya i krizisy v Rossii. Gumanitarnye aspekty podderzhki prinyatiya i realizatsii reshenii [Social Self-organization and Crises in Russia. Humanitarian Aspects of Supporting in Adoption and Realization Decisions]. *Preprinty Instituta prikladnoi matematiki imeni M. V. Keldysha – Keldysh Institute Preprints*, 2009, no. 23, pp. 1–40.
7. Markelov K. V. Mezhdunarodnoye grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: informatsionnaya politika na pereput'e [Between Civil Society and the State: Information Policy at Crossroads]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*, 2004, no. 5, pp. 55–68.
8. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii* [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. 452 p.
9. Toynbee A. J., Huntington S. P. *Izovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii* [Challenges and Answers. How Civilizations Perish]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 288 p.